

Алексей Митрофанов
Тамбов

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

Тамбов. Городские прогулки

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Тамбов. Городские прогулки / А. Митрофанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908337-1

Жители Тамбова сохранили свой характер — бойкий, озорной и вместе с тем доброжелательный, приветливый. Тамбов сегодня — настоящая и не испорченная туристическими операторами русская провинция. В самом хорошем смысле слова.

ISBN 978-5-44-908337-1

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

По-над Студенцом	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Тамбов

Городские прогулки

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4490-8337-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Тамбов на карте генеральной кружкой означен не всегда». Вот, собственно, и все, что знают о Тамбове. Ну, есть еще выражение «тамбовский волк». Когда-то был тамбовский окорок – довольно, кстати, вкусный. Время от времени изделие с таким названием появляется на наших гастрономических прилавках, но вкус, как водится, уже не тот. «Мальчик хочет в Тамбов, ты знаешь, чики-чики-чики-чикита».

Вот, собственно, и все. Все ассоциации с названием «Тамбов».

А между тем Тамбов – вполне реальный город. И поезда туда ходят, и, больше того, самолеты летают. И стоит он не в каком-нибудь там захолустье, а на федеральной трассе под названием «Каспий».

Просто Тамбов – город не туристический. Он вдали от «Золотого кольца», «Усадебного ожерелья Москвы», «Дворцов и парков окрестностей Санкт-Петербурга» и других популярных маршрутов. Хорошо ли это? Вероятно, да. По крайней мере, жители Тамбова сохранили свой характер – бойкий, озорной и вместе с тем доброжелательный, приветливый. Тамбов сегодня – настоящая и не испорченная туристическими операторами русская провинция. В самом хорошем смысле слова.

Увы, и здесь не обошлось без ложки дегтя. В наши дни Тамбов переживает экономический подъем и по всему городу ведется новое строительство. Часто за счет памятников истории, архитектуры и градостроительства. Старина уничтожается какими-то нечеловеческими темпами. Что ж, с точки зрения экономической это понятно: проще снести одноэтажный деревянный дом, в котором жил,

к примеру, композитор С. Рахманинов и выстроить на его месте новенький многоэтажный жилой или же торговый комплекс. Гораздо проще, чем отреставрировать старое и сделать музей. И в наше время город развивается как раз по такому облегченному пути.

Нам остается лишь надеяться, что это явление – временное, что цивилизованный подход и чувство вкуса все-таки когда-нибудь возьмут верх над желанием извлекать прибыль и сверхприбыль из тамбовских улиц, переулков и проспектов. Пока же следует предупредить читателя: в то время как готовится этот путеводитель, некоторые из упомянутых в книге достопримечательностей могут прекратить свое существование. К сожалению, сломать дом гораздо проще и быстрее, чем выпустить книгу.

Впрочем, главное – дух Тамбова – сохранится в любом случае. В этом мы не сомневаемся. Его бульдозером не перебить.

По-над Студенцом

Начать прогулку лучше с леса. Да-да, со знаменитого тамбовского леса, в котором обитает еще более известный тамбовский волк. Тем более восточная часть города Тамбова так и называется – Пригородный лес. И в том лесу находятся гостиницы, пансионаты и прочие объекты туристического проживания. Так что для многих гостей города подобное начало вполне естественно не только в смысле логики, но и, что называется, географически.

История здешних лесов весьма богатая. Один из тамбовских краеведов девятнадцатого века, Иван Иванович Дубасов, писал так: «До второй половины XVII века Тамбовский край, как известно, был Московской уkraineй (то есть пограничной землей – А.М.), дремучим лесом и диким полем... Наши города и села, устроенные большей частью по рекам, стояли друг от друга на дальних расстояниях, разделяемых дикими лесами и поросшими степями. То леса и степи были не нынешние: степям конца и меры не было, а леса были такие, что в них... водились соболи, бобры, лоси, лисицы и всякий иной зверь... А в самых глухих лесных захластухах у нас водились еще дикие туры – зубры, а некоторые лесные урочища так и назывались: туровские леса... Глушь в этих лесах была такая, что невольно наводила оторопь и суеверный страх на наших бортников и звероловов...»

Тогда уже, в семнадцатом столетии, часть здешних лесных угодий находилась в частной собственности. Еще бы – жители прекрасно понимали, какую ценность представляют из себя тамбовские леса. И по возможности старались прикупить кусок такого счастья. А владельцы не стеснялись, продавали. Вот, например, один из документов: «1645 год... Михайла Иванов из Покровской слободы продал свой бортный Кершинский ухожей на Цне на реке по обе стороны, и Хмелинский ухожей вверх по Хмелине правая сторона... И тот ухожей со всяким водчинным угодьем, со пнем, и с колодою, и стоячим деревом, и с бортной делью, и со пчелами старыми и молодыми... и с орловым и ястребцовым гнездом, и со всяким становым зверьем, с лосиным и козиным стойлом, и со свиным логовом, и с бобровой вежею, и с лисицею, и с куницею, с озерами и с истоки, и с рамением, и с бобрами, и с липяги, и с дубровами, и с речками с текучими».

Вряд ли Михайла Иванов долго искал охотников приобрести эти «ухожьи».

А в 1890 году тамбовский лес обогатился новшеством – павильоном для садовой стрельбы по голубям и тарелочкам (примерно то же самое, что в наши дни носит название «спортинг»). Павильон был оборудован двумя приспособлениями, запускающими вверх тарелочки, одним приспособлением, открывающим дверь клетки с голубями, и прочим далеко не бедным реквизитом. Такое развлечение никак нельзя было назвать простонародным. За одну тарелочку необходимо было заплатить 5—7 копеек. То же самое – за голубя. Правда, цели у организаторов были довольно благородные – половина всей прибыли шла в фонд разведения дичи.

Действительно, с годами люди стали понимать, что зверь в лесу не вечен, что растранижировать природу – дело далеко не благодарное. Стали вводить квоты на убой и на отлов. А в 1928 году охотники и вовсе сделали свое любимое занятие доступным далеко не всем: «Мы все еще по-старинке считаем, что лозунг „Охота для всех“, который принесла с собой Октябрьская революция, означает предоставление права пользоваться охотничьими угодьями всем без различия... Не пора ли нам, товарищи охотники, положить предел этому пониманию лозунга и как следует почистить наши ряды. Оставим лозунг таким, каким его дала нам Октябрьская революция, и лишь добавим к нему... трудящихся. „Охота для всех трудящихся“ – вот лозунг, под знаменем которого мы поведем дальнейшую работу по охотостроительству».

Из тамбовских лесов в результате исчезла многочисленная творческая интеллигенция и прочие не признанные новым классом профессионалы.

* * *

Более же прочих здешним лесом интересовался протоиерей Стефан Авраамович Березнеговский, живший в Тамбове в девятнадцатом столетии. Человек он был выдающийся. Один из современников писал: «В характере его, общительном и благодушном, не было излишней идеальничающей сентиментальности, но зато преобладала чисто житейская практичность».

Сам же Березнеговский так оценивал свой труд: «Живя в Тамбове более сорока лет постоянно, я старался узнавать о старом быте Тамбова, достал о нем рукописную летопись, и, основываясь на этих фактах, от нечего делать, решаюсь передать мною собранное другим. Конечно, мой рассказ о Тамбове не полон; но, по крайней мере, не все поглотит ненасытное время; а может быть, будущий историк Тамбова найдет в нем что-нибудь нужное для себя».

Лес был одним из объектов пристальнейшего внимания г-на Березнеговского. Он сообщал: «Место, на котором заложен город Тамбов, покрыто было непроходимыми вековыми лесами, тянувшимися непрерывною грядой от Хопра до Балтийского моря и от Волги до Дона. Только в уездах Кирсановском, Борисоглебском и частию Козловском кое-где проскальзывали поляны, покрытые травой, как оазисы, среди песчаных степей Аравийских...

В 1774 году, когда шайка Емельки Пугачева приближалась к селу Рассказову, жители города Тамбова спешили укрыться от неминуемой беды не за тридевять земель, а просто пробирались с имуществом за речку Студенку и твердо были уверены, что в тамошней лесной глуши пугачи не найдут их».

Конечно, современный Пригородный лес далек от образца, описанного протоиереем. Но при желании можно представить себе, как все это выглядело три столетия тому назад.

И поползут мурашки по спине.

* * *

Кстати, Пригородный лес прославился не только как природный памятник, но и как своеобразный центр тамбовского прогресса. Во всяком случае, именно здесь в 1916 году был выстроен шедевр архитектуры и инженерии – так называемый гиперболоидный бак. Автором его был знаменитый инженер Владимир Шухов, прославивший себя в первую очередь радиобашней в городе Москве, на Шаболовке. С помощью гиперболических опор Шухову удалось выстроить мощную конструкцию, способную удерживать гигантский бак объемом более 60 тысяч ведер.

Разумеется, водопровод в Тамбове к тому времени уже существовал. Он был освящен епископом Тамбовским и Козловским Палладием в 1884 году. Тогда же и произошло первое тамбовское водопроводное хищение. Газета «Тамбовские губернские ведомости» сообщала: «16 сего июня в 8 часов вечера тамбовский мещанин Алексей Казаков и крестьянин Тамбовского уезда села Сурены Козьма Решетов, разбив на части лежавшее около Девичьего моста одно колено чугунной водопроводной трубы и сложив в мешки, намерены были этот чугун и молоток, коим разбивали трубы, похитить, но были тут же пойманы и доставлены в Первую часть, откуда, вместе с протоколом дознания, переданы к мировому судье».

К чему приговорили жуликов, история умалчивает. Вряд ли, однако же, они отделались легким испугом – покушение на новенький водопровод воспринималось горожанами почти как святотатство.

А спустя еще восемь лет был окончательно укомплектован штат водопроводной службы. Тамбовские СМИ сообщали: «Городская управа доложила городской думе, что избранная ею комиссия по устранению неисправностей по городскому водопроводу, между прочим, находит необходимым для разъездов техника по надзору за водопроводом, дать ему лошадь и человека... По этому вопросу дума разрешила городской управе израсходовать на покупку лошади

до 150 рублей, нанять человека для ухода за лошады, приняв содержание его и лошади на счет водопроводной сметы».

Шуховское же сооружение было скорее памятником инженерной мысли, а не простым утилитарным городским объектом.

К сожалению, бак не дожил до наших дней – новые технологии водоснабжения пришли на смену старой доброй водокачке, пусть даже и такой большой.

* * *

А еще в тамбовском Пригородном лесу жил господин Герасимов, владелец первого тамбовского автомобиля. В январе 1912 года он получил разрешение на пользование французским лимузином марки «Деллаге» с закрытым кузовом и на 7 мест. Мощность автомобиля составляла 10 «городских сил». Пионер тамбовского автолюбительства стеснялся называть те силы лошадиными.

Герасимов завел машину не для собственного удовольствия. Уладив административные вопросы, он незамедлительно дал объявление о том, что каждый, позвонив по телефону 417, может заказать сей лимузин. Час езды в дневное время стоил 5 рублей, в ночное – 7 рублей и 50 копеек. Это удовольствие было не из дешевых. Впрочем, и налог владелец первого тамбовского такси уплачивал нешуточный – 75 рублей в год.

* * *

А еще в Пригородном лесу жило немало дачников. Кто-то владел собственным дачным угольем, кто-то снимал его на лето для семьи, а кто-то – вкладчину – сразу на несколько семейств. Огородничеством никто не занимался – дачи заводили не для грядков, а для отдыха. Правда, разбивали цветники и состязались, у кого шикарнее.

Мостоми же тамбовский дачник, как правило, пренебрегал. Неудивительно, ведь мост – это обыденность и скука, что никак не сочетается с самой идеей дачного отдохновения. Предпочитали добираться до своих угодий по воде – на лодочках и даже катерах. Их в избытке предлагали местные предприниматели, однако, многие предпочитали держать собственный водной транспорт.

Кстати, первый моторный катер под смешным названием «Братушка» появился здесь довольно рано, в 1876 году. Его владелец, некто Зандберг, был одновременно и держатель дачи, которую сдавал сразу на несколько компаний. Дача его была роскошной и престижной, однако чрезмерно дорогой. Но когда речь идет об отдыхе и развлечениях, истинный тамбовец за ценой не постоит. В том числе и за ценой на катер, а ведь проезд стоил целых 60 копеек.

И конечно же, особым ритуалом была покупка всяческой провизии. В основном ее везли из города, из магазинов Гимназической, Носовской и Базарной улиц. Но припасы, разумеется, быстро заканчивались: ведь, во-первых, на природе аппетит получше, чем в городской сутолоке, а во-вторых, никто из дачников не застрахован от внезапного прихода дорогих гостей. На этот случай в Пригородном лесу действовал магазинчик господина Фокина. Ассортимент его был самый, в общем-то, обычный: сыр, колбаса, сардинки, сладости, вино. Однако же каким вкусным это все казалось. Да и процесс самой покупки был весьма своеобразным и приятным. За прилавком фокинского магазинчика всегда стоял любимый всеми дачниками Ванечка, приказчик. Ванечка был молод и красив, всем улыбался, говорил приятные слова. А денег никогда не брал – записывал в особенную книжку кому именно, когда и что было отпущено. Расплачивались с Ванечкой лишь в сентябре, по окончании дачного сезона. Конечно, никому и в голову не приходило Ванечку надуть, съехать, не расплатившись. Во-первых, Тамбов – город небольшой и все друг друга знают. А во-вторых, как-то это не по-дачному.

* * *

А что же волк?

Да не было тут никаких волков.

То есть, конечно, были, но только самые обыкновенные, ничем особенным не примечательные. И выражение «тамбовский волк» имеет несколько различных версий происхождения. Все они, по большому счету, сводятся к тому, что фраза эта очень даже молодая. Самый «старинный» вариант выглядит так. Якобы на рубеже XIX—XX столетий зимой в Москву из окрестностей Тамбова приходило множество так называемых «сезонников» – крестьян, которым долгие зимние месяцы нечего было делать на своей земле. Деньги на прокорм семьи, однако, требовались. Социально активные тамбовцы постоянно перебивали у москвичей разный заработок. За что и получили прозвище – вот, дескать, понаехали волки тамбовские.

Но эта версия не слишком убедительна. Дело в том, что сотню лет назад сезонники шли и в Москву, и в прочие крупные города со всей России. Это не было явлением исключительно тамбовским.

И судить о том, кто именно проявлял большую активность, не было возможности – зависело, скорее, от характера отдельно взятого сезонника, а вовсе не от места его проживания.

Версия вторая связана с так называемым Антоновским восстанием – повстанческим движением, возникшим в Тамбовской губернии в 1918 году и продолжавшимся вплоть до 1921 года (об этом движении – несколько позже). Якобы озлобленные на весь мир повстанцы проявляли несоизмеримую жестокость, за что и были прозваны тамбовскими волками. Но и эта версия имеет свои недостатки. Главный состоит в том, что поднявшиеся на восстание тамбовцы, по сути говоря, ни на кого не нападали – они лишь пытались защитить себя и свои семьи от невиданного произвола новой власти. Прозвание «тамбовский волк» могло возникнуть лишь в официальной пропаганде. Но, как нам известно, не возникло. В народе же ничего такого в отношении антоновцев в принципе родиться не могло.

Есть и третья версия – международная. Давным-давно английские купцы случайно оказались в городе Тамбове. И, по случаю, приобрели там партию красивых волчих шкур. Эти шкуры увидела сама королева Британии. И пришла, как говорится, в щенячий восторг.

Королева издала распоряжение – использовать такие шкуры для оторочки офицерских мундиров. Купцы, ясное дело, снова были посланы в Россию. Но на сей раз ограничились Москвой. Они ходили по торговым меховым рядам и спрашивали: «Тамбовский волк? Тамбовский волк?» Это ужасно потешало москвичей. Фраза «тамбовский волк» вошла в фольклор.

Как в действительности обстояло дело – неизвестно.

Один лишь факт мы можем признать точно. Популярность прозвище «тамбовский волк» приобрело в 1956 году, после выхода в свет кинофильма под названием «Дело Румянцева». Там шофер (его сыграл, кстати, известный актер Алексей Баталов) обращается к работнику милиции: «Товарищ милиционер...» И получает в ответ резкое: «Тамбовский волк тебе товарищ».

А вот тамбовский антиволк действительно существовал. В девятнадцатом столетии местные овцеводы вывели особую породу овчарки, которую не долго думая называли тамбовской. Собака эта была рослая, плотного телосложения, с сильными мускулами, острой мордой и огромными зубищами. Шерсть у нее была довольно необычная – грязно-желтая и с виду отдаленно напоминала овечью. Эта собака была предназначена для охраны овец от волков. И она действительно могла при случае дать отпор грозному лесному обитателю.

Впрочем, сегодня выражение «тамбовский волк» скорее позитивное, чем негативное. В городе действует музей тамбовского волка, фраза используется в наименованиях лучших продуктов региона, а в сувенирных лавках продают керамические фигурки добродушного, мудрого и ироничного зверя.

* * *

Тамбовский Пригородный лес от исторического центра города отделяет река Цна. Некогда здесь располагалась и официальная граница. Более того – стоял охранный пост. Один из путешественников, Г. А. Скопин, писал в 1787 году: «Увидел город Тамбов издалека. В город пришел в 12 часу, перешел реку Цну, тут на заставе спросили у меня паспорт. Я объявил караульному унтер-офицеру, который, по прочтении, отдал мне, сказал: „Ступай!“» После чего Скопин и начал осмотр Тамбова.

Главной задачей Цны было снабжение горожан рыбой и всякими речными гадами. История здешнего рыболовства, в общем, повторяет уже пересказанную выше охотничью историю. Сначала – рыбный беспредел, а после, ближе к концу девятнадцатого века, когда рыбы в реке стало ощутимо меньше – строгие ограничения. В 1891 году тамбовская Гордума даже выпустила правила рыбалки в реке Цне, ее притоках и заливах. Требования и впрямь были довольно жесткими:

«1. С 1 мая по 15 июня по случаю метания рыбою икры, ловля всякой рыбы всеми снастями, кроме удочек, воспрещается.

2. Воспрещается бить рыбу острогами, перепруживать реку рыболовными снастями и плетнями.

3. В виду незначительности реки и ее притоков ловля рыбы во все времена года воспрещается: неводами, сетями, приволочками, вентерями и неретами.

4. Дозволяется ловить рыбу удочками, крючками и бреднями длиною не более 4-х сажень.

5. Поручить Управе и гласным Городской Думы виновных в нарушении сих правил привлекать к законной ответственности».

Только вряд ли правила имели ощутимый смысл. Ведь главный рыболов – крестьянин – был, как правило, неграмотен, законов не читал, а на власти смотрел с подозрением и недоверием. Не то, что к старым методам, которыми еще и деды пользовались – натянешь сеть, и все семейство сыто.

Интеллигенция же, то есть, люди грамотные, относилась к Цне не так утилитарно, как крестьянство. И река, и городская набережная в первую очередь были источниками развлечений, впечатлений. И до революции, и после. Одна из здешних жительниц, Юлия Левшина, дочь Алексея Левшина, тамбовского художника, вспоминала о детстве, пришедшемся на 1930-е годы:

«Вот Набережная, любимая многими, но нами – особенно.

Отец с ранних лет брал нас с братом на этюды.

Лето. Идем по Набережной. В далекие 30-е это была тихая и пустынная, особенно днем, улица на высоком косогоре, спускавшемся к реке. У Тезиковского моста, в те годы деревянного, напротив улицы Энгельса – женский пляж. Пляжи тогда были отдельными. Мужской находился по другую сторону моста, как раз напротив нашей Флотской. Когда жители отправлялись купаться на реку всей семьей, то выбирали место недалеко от мужского или женского пляжа – в зависимости от преобладания в семье мужского или женского состава, так сказать. Тут проявлялось какое-то уважительное отношение к другим...

Итак, проходим мимо женского пляжа, на спуске с улицы Энгельса. В самом низу спуска, совсем близко к берегу, живописно уютятся несколько маленьких серых деревянных домиков в окружении старых ветел, почти пригнувшихся к воде... Идем с папой краем крутого высокого берега. Внизу спокойно в желтых берегах течет Цна, голубая от отражающегося в ней неба. Нам с братом она кажется очень широкой. Это уже потом, став подростками, мы легко переплывали ее, а пока... И, кажется, течет она в дальние дали... Сколько же было хожено еще по Набережной! С отцом на этюды, а позже, когда я подросла, со школьными друзьями. А иногда – и в одиночку. Запомнилась одна такая прогулка, когда я была семиклассницей. Нам было задано домашнее сочинение об осени. И как же мудро поступила мама, посоветовав мне сначала посмотреть на осень, а потом уже писать сочинение. Как все отложилось в памяти!

Будто снова ощущаю свежесть солнечного холодного октябрьского дня, вижу сахаристо-зернистую у самого берега и истончающуюся к воде крошечку льда, обнаженные темноствольные деревья на склоне. И я – одна. И рождается желание запечатлеть увиденное, описать так же ярко, как сама вижу.

За сочинение хвалили. Читали его вслух в классе... Сколько бы ни ходила по Набережной, всякий раз – новое восприятие этой любимой тамбовцами улицы».

Конечно же, самым престижным жильем в городе Тамбове (как, впрочем, и в большинстве российских городов) всегда были здания исторического центра. Однако Набережная успешно конкурировала с ним. Многие господа при средствах предпочитали строиться не на Дворянской или Гимназической, а вдали от суеты и шума, рядышком с тихой и неспешной Цной. С одной стороны, там можно было вести патриархальный, сельский образ жизни, а с другой – при необходимости приказать, чтобы запрягли лошадей, и спустя несколько минут быть в самой гуще городских событий.

* * *

И уж, конечно же, таких садов, какие были на берегу Цны, в центре, нельзя было себе даже представить. Та же Юлия Левшина писала: «В нашем саду было много цветов – и многолетних, и однолетних. Ими в основном занималась мама. Были ирисы, пионы, флоксы, астры. Букеты их все лето стояли в комнатах – на столах, подоконниках, пианино. И папа часто писал натюрморты с букетами цветов, собранных мамой или (позднее) мной... Цветение в саду началось ранней весной. У южной стороны дома под окнами спальни раньше всего начинал таять снег. И вот, однажды проснувшись, глянешь в солнечное окно и увидишь, как сквозь хрупкий снежок проклевываются стрелочки-листья подснежника. А на другой день и сам голубенький снежок улыбается наступающей весне...

В самом конце апреля – начале мая обычно зацветала черемуха. У нас в саду она распускалась раньше, чем начинали продавать лесную. Наверное, потому, что она росла на солнце, а не в низине, как в лесу... После черемухи цвели вишни, сливы, яблони. Всегда казалось странным, что цветение вишен начиналось даже раньше, чем на них появлялись свежие, будто лаковые, листочки... На яблонях – крупные, с розовым нежным окоемом цветки. И аромат неопишуемой свежести, точно настоящий на солнце и нагретой им земли, наполняет сад и входит в комнаты через открытые окна и балконную дверь.

А потом пойдут ирисы. Эти цветы с их прямыми стеблями и саблевидными листьями, не ярко-зеленого, а серебристого, с оттенком в голубизну, цвета, с изящной формы прозрачным и неподвижным, как бы застывшим в своей причудливости, точно фарфоровым цветком всегда казались мне немножко неземными, искусственными... Из весенних цветов еще были в нашем саду фиалки, махровые, красные, нежно-душистые тюльпаны, пионы.

И сирень, сирень... Сказочно много сирени, традиционно розово-голубоватой и белой». И этот фейерверк – до середины лета.

Не всем, однако, нравились прицининские сады. Один из гостей города Тамбова, Алексей Владимирович Салтыков, писал в 1797 году: «Обедали мы дома, в самом дурном саду, но под тенью и с тремя любезными девицами, дочерьми моей родственницы».

Впрочем, Салтыков нам не авторитет. Он был большой придира и, помимо сада, жаловался на сам дом, в котором ему довелось гостить: «Квартирой мы были недовольны и всю ночь не спали от несказуемого множества сверчков».

Ему бы современные автомобильные сигнализации послушать.

Но, разумеется, большинству Цна приходилась по нраву. Реке радовались, рекой любовались, реке посвящали стихи. К примеру, тамбовский поэт Вячеслав Афанасьев так и назвал свое стихотворение – «Цна»:

Под Тамбовом, под Тамбовом
Протекает речка Цна.
В мост высокий, в мост дубовый
Ударяется волна.
В той волне резвятся рыбы
Серебристою толпой.
К той волне склонились ивы
Чуткой, трепетной листвою.

* * *

И уж, конечно, о реке слагали романтические легенды. Например, такую.

Жил на месте нынешнего города Тамбова один мордвин по имени Урлап. И была у этого мордвина красавица супруга. Мало того что красавица – еще и добрая колдунья. Именно добрая – ни разу в жизни никому она не причиняла зла, а в основном, лечила от болезней.

А еще росла у Урлапа дочка, тоже красавица, и звали ее Цной. Когда родителям пришла пора отправиться на вечное упокоение, мать передала любимой дочери все свое тайное умение. И, разумеется, взяла страшную клятву – тоже творить только добро.

Цна и не думала ту клятву нарушать. Жила себе одна, горя не знала – излечивала всех соседей от недугов, отводила грозные тучи или же, наоборот, привлекала дождик, направляла рыбу прямо в сети рыбакам, а всяческую дичь – охотникам чуть ли не прямо в руки. В одного из тех охотников – Сампора Цна однажды влюбилась. Сампор с легкостью один одолевал медведей, но однажды косолапый все же оказался посильнее, чем охотник. Тогда товарищи его, всего израненного, отнесли лечиться к Цне, которую очаровал с первой минуты... Чувство Цны оказалось взаимным, и молодые вскоре поженились, начали жить одним домом.

Но тут страшлись татары. Они обратились к знатоку лесов Сампору и предложили ему много денег за то, что охотник проведет их через чащу на Москву. Кроме того, татары обещали в знак благодарности оставить всех здешних мордвин живыми-невредимыми. Сампор, конечно же, образовался той оказии и сразу похвастался супруге. Но она, будучи патриоткой, стала отговаривать Сампора. Тот, конечно, ни в какую – все-таки глава семьи.

Тогда Цна явилась на могилу матери и попросила у нее совета. Мать сказала Цне:

– Наведи на Сампора слепоту.

Однако Цна не смогла послушаться мудрого совета – так сильна была ее любовь. Бедная женщина уселась на пригорок и принялась горько плакать. Плакала она, плакала и плакала – до тех пор, пока полностью не растаяла, пока все ее тело не исчезло вместе со слезами. Зато слез было так много, что поток их превратился сначала в ручеек, а после в реку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.